

DOI: 10.15372/HSS20190115
УДК 94(571.51)"1950/1990": 314-4

Л.Н. СЛАВИНА

СМЕРТНОСТЬ ОТ ВНЕШНИХ ВОЗДЕЙСТВИЙ В ВОСТОЧНОСИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ (КОНЕЦ 1950-х – НАЧАЛО 1990-х гг.)

Красноярский государственный
педагогический университет им. В.П. Астафьева,
РФ, 660049, Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89

В статье представлены итоги впервые проведенного анализа смертности от внешних причин в селах Восточной Сибири. Рассмотрены динамика ее уровня и структуры за тридцать лет, ее состояние в конце советского периода, региональные особенности. Показано, что смертность сибиряков соответствовала общероссийским трендам, но имела чрезвычайный характер. Ее уровень был выше, рос быстрее, чем в городах региона и российских селах в среднем, а к концу рассматриваемого периода увеличился более чем вдвое. Внешние воздействия занимали второе место в структуре причин общей смертности сибиряков в течение всего периода. Показано, что сибиряки лидировали в России по всем видам травматической смертности, а ее вклад в общий кризис смертности, который сибирская деревня переживала вместе со страной в эти десятилетия, был выше, чем в других регионах России.

Ключевые слова: смертность от внешних воздействий, убийства, самоубийства, витальное поведение, Восточная Сибирь, сельское население, кризис смертности.

L. N. SLAVINA

MORTALITY DUE EXTERNAL CAUSES IN EASTERN SIBERIA COUNTRY SIDE (LATE 1950s – EARLY 1990s)

V.P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University
89, Ada Lebedeva str., Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation

The article subject is problems of mortality due external causes in Russia. The author presents results of reconstruction of its dynamics and structural characteristics in the Soviet era's last decades. The paper objective is to examine the mortality due external causes in the villages of East Siberia as an indicator of the rural society life quality. It shows the mortality dynamics level and structure over thirty years at the end of the Soviet period; reveals features of this process in Siberia. The author explains specifics of mortality among Siberians taking into account the complex impact of natural and climatic, economic, socio-cultural factors; compares mortality processes in Siberian villages with similar ones in regional cities and villages of Russia as a whole. Based on official statistics, the article shows that the mortality from injuries in East Siberian villages developed following the all-Russian pattern. It grew throughout the whole country, but in the region's countryside its level, dynamics and structure were of extraordinary nature. The death rate grew in the villages of the region faster than in the cities and in Russian villages in general and more than doubled in three decades. External influences ranked second in the structure of the overall mortality causes of Siberians throughout the period. The regional villages forged ahead in Russia in all types of traumatic mortality. The article provides statistics on the main classes of the most common death causes. It proves that the mortality crisis in East Siberia was more acute than anywhere in the country, and that the high mortality of Siberians was determined by both behavioral, environmental and economic factors.

Key words: mortality due external causes, homicides, suicides, vital behavior, East Siberia, rural population, mortality crisis.

Обращение к данной теме вызвано, прежде всего, кризисной демографической ситуацией в России в настоящее время, которая после нескольких лет заметного смягчения вновь осложнилась. Пути ее улучшения из-

вестны. Это подъем рождаемости и снижение смертности, которая требует к себе особого внимания. Она протекает в режиме, далеком от оптимального, и создает много проблем, трактуемых как вызовы, на которые нужно на-

Славина Людмила Николаевна – д-р ист. наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, e-mail: 200146@mail.ru.

Lyudmila N. Slavina – Doctor of Historical Sciences, Professor, V.P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University.

ходить ответы. Российскую смертность трудно назвать малоизученной. Но ее многоликость в половозрастном, социальном, национальном и территориальном разрезах требует дифференцированных исследований. Лишь их совокупность позволит точнее представить причины высокого уровня современной смертности, пути ее снижения и создания условий для роста продолжительности жизни россиян. Такие знания углубят представление о характере демографической модернизации России и о ее социальной истории в целом.

В настоящей статье впервые анализируется смертность от внешних воздействий в селах Восточной Сибири: она вызывалась не болезнями, а повреждениями – умышленными (убийства и самоубийства) и неумышленными (несчастные случаи, травмы) (*синоним*: смертность от внешних причин, поврежденных, травматическая смертность). Цель анализа – рассмотреть ее как индикатор качества жизни в деревне, а для этого необходимо реконструировать процесс ее эволюции в последнем тридцатилетии советской эпохи, выявить в ней общие и специфические – сельские, сибирские – черты, оценить ее состояние к концу советского периода.

Хронологические рамки работы – рубежи 1950–1960 и 1980–1990-х гг. Нижняя граница отмечена поворотом динамики общей смертности в России в сторону подъема, верхняя – всплеском ее после окончания советской эпохи. В этот период уходят «корнями» проблемы смертности в современной России.

Смертность от внешних воздействий в указанное время в Сибири совершенно не изучена [1, с. 389–395], в России в целом до недавнего времени эта тема также специально не рассматривалась [2, с. 313–382; 3, с. 29–40; 4, 60–69]¹. Лишь в 2017 г. демографы издали первую монографию, где данный феномен проанализирован системно [5]. Историки до сих пор игнорируют этот процесс, хотя он является одним из важнейших в социальной истории России, поскольку выступает продуктом и в то же время показателем качества жизни общества.

Настоящее исследование базируется на текущей статистике смертности, извлеченной из сборников для служебного пользования (ДСП) и архивов – федерального и местных органов госстатистики. Такие сведения не публиковались до 1988 г. Хотя засекреченность не способствовала хорошей сохранности данных, все же удалось найти нужные сведения. Однако по ним невозможно восстановить динамические ряды основных показателей смертности за весь изучаемый период по Восточной Сибири. К тому же не все данные сопоставимы по годам из-за изменений в учете, кроме того, велика вероятность умышленного их искажения. Тем не менее выявленная информация пригодна для решения поставленной задачи – через анализ смертности

яснее представить качество жизни региона в сельской местности.

Итак, многонациональное и неоднородное в демографическом плане сельское население Восточной Сибири, составлявшее в 1960–1980-х гг. от 2,6 до 3,0 млн чел.², переживало, как и все россияне, очередной этап демографической модернизации. Смертность сибиряков эволюционировала в рамках общероссийских трендов, но имела много специфических черт. Самой яркой была сверхсмертность от внешних воздействий. Этот вид смертности рос по всей стране. Но в восточносибирских деревнях процесс приобрел чрезвычайный характер.

Внешние воздействия вышли на второе место в структуре причин смерти уже в 1950-х гг. в красноярских и иркутских деревнях, чуть позднее – на остальной территории, а в Туве заняли первое место. В сельской местности РСФСР они занимали третье место. Эта иерархия не менялась до 1990-х гг.

Удельный вес умиравшего от внешних воздействий сельского населения (в % ко всем умершим) в регионе рос быстрее, чем в РСФСР в целом, и за три десятилетия повысился почти вдвое: 13,9 % в 1960 г. и 21,8 % в 1990 г., в РСФСР – 10,4 % в 1960 г. и 13,2 % в 1990 г. Разница между сибиряками и среднестатистическими россиянами по количеству умерших от повреждений увеличилась почти втрое – с 16,5 чел. в расчете на 100 тыс. жителей в 1960 г. до 48,7 чел. в 1990 г. (табл. 1).

Смертность от повреждений в селах региона росла быстрее, чем от других причин. Поэтому доля ее жертв в общей массе умерших увеличивалась. В 1960 г. она составляла 13,9 %, а в 1990 г. – 21,8 %. Этот показатель вдвое различался по территории региона – от 19,5 % в Красноярском крае до 35,5 % в Туве в 1990 г.³

Характер динамики смертности сибиряков от повреждений подробнее можно проследить на примере Красноярского края. Из табл. 2 видно, что в начале 1960-х гг. уровень этой смертности в деревнях был ниже, чем в городах, в 1,3 раза. Но уже к 1965 г. он стал выше и продолжал расти более быстрыми темпами, чем в городах, в течение всего тридцатилетия. В 1980-х гг. разница между ними составляла 1,5–1,7 раза.

Динамика смертности от внешних причин до середины 1980-х гг. была «отрицательно устойчивой». Ее непрерывный рост свидетельствовал, прежде всего, о неблагоприятии в деревне. Опыт перестройки ярко показал, как чутко смертность реагирует на внешние импульсы. В связи с начатой в 1985 г. антиалкогольной кампанией ее уровень сократился в красноярских деревнях за неполных три года (1985–1987) на 32,5 %, но из-за последовавшего провала кампании вырос за 1988–1990 гг. на 23,5 %⁴. На остальной тер-

¹ Смертность от внешних причин. Часть I // Демоскоп Weekly, № 29–30, 13–26 авг. 2001. URL.: <http://www.demoscop.ru/weekly/029/tema01.pht>. Часть II // Демоскоп Weekly, № 31–32, 27 авг.– 9 сент. 2001. URL.: <http://www.demoscop.ru/weekly/031/tema06.pht> (дата обращения: 31.03.2018).

² Численность населения РСФСР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 23.

³ Численность, состав и движение населения в Российской Федерации: стат. сб. М., 1992. С. 250–251.

⁴ Рассчитано по данным текущего архива (ТА) Красноярскстата.

Т а б л и ц а 3

Коэффициенты смертности от внешних причин сельского населения рабочего возраста Восточной Сибири и РСФСР в 1990 г. (чел. на 100 тыс. населения соответствующего пола)*

Восточная Сибирь	Красноярский край**	Иркутская обл.	Читинская обл.	Бурятская АССР	Тувинская АССР	Хакасская АО	РСФСР
<i>Мужчины</i>							
481,1	439,8	519,1	467,0	471,6	664,7	474,4	373,8
<i>Женщины</i>							
107,2	98,2	112,4	88,7	95,2	191,5	129,3	66,3

*Численность, состав и движение населения... С. 320, 328, 337, 342–344, 349, 350.

**Красноярский край без Хакасии.

Т а б л и ц а 4

Насильственная смертность в сельской местности Восточной Сибири в 1960 и 1990 гг., чел. на 100 тыс. жителей*

Год	Восточная Сибирь	Красноярский край	Иркутская обл.	Читинская обл.	Бурятская АССР	Тувинская АССР
<i>Убийства</i>						
1960	7,12	5,94	10,72	4,15	8,18	4,86
1990	32,4	27,1	39,0	27,1	25,7	79,8
<i>Самоубийства</i>						
1960	16,8	15,4	18,0	14,0	22,4	15,4
1990	39,3	37,3	45,2	37,8	42,2	30,7

*Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1646, 1649, 1656–1658; ГАРФ. Ф. А-364. Оп. 31. Д. 7854. Л. 1 об., 13 об., 25 об., 49 об., 97 об.; Численность, состав и движение населения... С. 260.

ний и несчастных случаев, от самоубийств и убийств, часто в пьяном виде. Так, из числа убитых в 1990 г. 260 красноярцев 60,4 % находились, по официальным данным, в алкогольном опьянении⁸.

Долговременная статистика «алкогольных» смертей в Восточной Сибири отсутствует. Но отдельные цифры свидетельствуют о всеобщей алкоголизации деревни. Особо тревожным было то, что контингент пьющих критически помолодел. По статистике, из умерших в 1990 г. в красноярских селах от алкогольного отравления («скоропостижная смерть от пьянства») 56,6 % лиц находились в рабочих возрастах, а остальные были старше или моложе, начиная с 8 лет⁹. Причем сельчане умирали вдвое-втрое чаще горожан от отравлений алкоголем (11,2 чел. против 4,5 чел. на 100 тыс. жителей) и в состоянии алкогольного опьянения (соответственно 16,0 против 7,4 чел.)¹⁰.

Восстановить динамику конкретных причин травматической смертности невозможно, поскольку при

разработке статистики в общий класс причин смерти включались все случаи от этих причин. В дифференцированном виде опубликованы лишь показатели рубежа 1980–1990-х гг. Благодаря им известно, что в 1990 г. в красноярских селах 23,3 % жертв внешних воздействий погибли в автодорожных авариях и при контакте с другими видами техники, 23,7 % умерли от отравлений, 8,1 % сгорели на пожаре, 9,0 % скончались от травм и ожогов, 5,2 % утонули. Еще 17,6 % случаев составили самоубийства и 12,5 % – убийства¹¹. Таким образом, влияние издержек индустриализации на смертность сельчан было второстепенным. Ее основные причины коренились в быту и усугублялись алкоголизмом.

Чрезвычайной проблемой в восточносибирских деревнях являлась насильственная смертность – убийства и самоубийства (табл. 4). Ее тоже невозможно подробно проанализировать из-за недостатка информации, строго секретной в советские годы. Но по имеющимся данным видно, что убийства в селах региона уже в 1950-х гг. не были редкими. В 1959 г. там было учтено 170 убийств, в 1960 г. – 216 и еще 70 насиль-

⁸ Подсчитано по: Естественное и механическое движение... С. 25, 27, 43, 45.

⁹ Подсчитано по: Там же. С. 25, 27, 43, 45.

¹⁰ Там же. С. 25, 27, 43, 45.

¹¹ Подсчитано по: Там же. С. 25, 27, 43, 45.

ственных смертей неуставленного характера¹². Самый высокий уровень убийств отмечался в иркутских деревнях (10,7 чел. на 100 тыс. жителей в 1960 г.), самый низкий – в читинских (4,15 чел.). На остальной территории он колебался в пределах 5–8 чел.¹³. Большинство убитых составляли мужчины. В 1960 г. их было больше, чем женщин, в 8 раз у читинцев, в 5 раз – у иркутян и красноярцев, в 2,4 раза – в селах Бурятии. Свыше 90 % жертв убийств составляли взрослые, в основном 20–30-летние¹⁴.

В 1960–1980-х гг. число убийств в Восточной Сибири быстро росло, и не случайно. Восточная Сибирь – «край каторги и ссылки» – в XX в. не теряла этой «функции» и оставалась территорией с повышенной преступностью. Так, в 1985 г. в целом по РСФСР было учтено в среднем по 989 преступлений на 10 тыс. жителей, а в регионе – от 1027 в Читинской обл. до 1405 в Иркутской и 1881 – в Туве. К 1990 г. показатель повсюду увеличился и составил от 1403 до 3163 преступлений в регионе против 1240 в РСФСР¹⁵.

Рост убийств прервался в начале перестройки, но вскоре возобновился. В 1988 г. в селах региона убили 600 чел., в 1989 г. – 695, в 1990 г. – 836, в 1991 г. – 811 чел.¹⁶ С 1960 по 1990 г. уровень убийств здесь вырос в 4,6 раза – до 32,4 чел. на 100 тыс. жителей и вдвое превысил средний показатель по селам РСФСР (15,4 чел.)¹⁷. По убийствам сельская местность Восточной Сибири была «рекордсменом» в России, а в ней – Тува, в деревнях которой их уровень за 1988–1991 гг. поднялся с 50,7 до 94,3 чел. на 100 тыс.¹⁸, что было в 6 раз выше среднего по российским селам и в несколько раз выше, чем в любом административном образовании РСФСР. На остальной территории региона он также намного превышал среднероссийский показатель и колебался в 1990–1991 гг. от 25–27 чел. на 100 тыс. жителей в Бурятии до 39,0 чел. в Иркутской обл. В Восточной Сибири убийств было больше в деревнях, чем в городах (26,3 чел. на 100 тыс. жителей в 1990 г.)¹⁹.

Характеристики убитых по возрасту и полу существенно не изменились за 30 лет. В начале 1990-х гг. жертвами убийств по-прежнему являлись в основном лица рабочих возрастов, преимущественно мужчины. Так, 78,5% убитых в 1990 г. красноярцев находились в трудоспособном возрасте, и среди них на четырех мужчин приходилась одна женщина²⁰.

Самоубийства в деревнях Восточной Сибири встречались намного чаще убийств, и они быстро рас-

пространялись. В 1959 г. здесь было учтено 466 случаев, а за следующие 30 лет их число более чем удвоилось и составило 1012 случаев в 1990 г. и 943 – в 1991 г.²¹.

Если количество убийств отражает уровень преступности в обществе, то самоубийств – социально-психологический климат в нем, в том числе масштабы психических заболеваний. О них имеются лишь отрывочные сведения. Так, состоявшие на учете психические больные составляли, по данным Красноярскстата, 1,9 % населения красноярских деревень в 1985 г. и 2,2 % – в 1987 г., т.е. по 2222,6 чел. из 100 тыс. жителей в селах края против 2211,6 чел. в городах²².

Самоубийцами намного чаще были мужчины, но пропорции между полами различались по территории. В 1959 г. соотношение числа мужчин и женщин составляло в деревнях Читинской и Иркутской областей как 2,5–2,6 к 1, Красноярского края и Бурятии – 4,0–4,2 к 1, Тувы – 5,0 к 1²³. Уровень суицидов у женщин и мужчин рос в 1960–1980-х гг. одинаковыми темпами. Поэтому и соотношение между их показателями почти не менялось.

Возрастные характеристики самоубийц тоже принципиально не изменились со временем. Среди них встречались лица всех возрастов. Самые ранние случаи отмечены в группе 10–14 лет, самые поздние – среди лиц старше 80 лет²⁴. У мужчин суициды концентрировались в более узком возрастном интервале. В 1990 г. в красноярских деревнях 82,8 % мужчин-самоубийц находились в рабочих возрастах, в том числе 51,8 % – в интервале от 20 до 40 лет. А пик самоубийств (34,0 % случаев) пришелся на группу 30–39 лет. У женщин случаи ухода из жизни распределялись равномерно по возрастам. Чуть выделялись лишь группы 25–29- и 55–59-летних²⁵.

ВОЗ считает средним уровнем самоубийств 10–19 случаев на 100 тыс. чел., высоким (критическим) – 20 и более. По этим критериям, их уровень в 1959 г. был уже высоким в иркутских деревнях (19,2 чел. на 100 тыс. жителей), на остальной территории – средним (15,2 чел.)²⁶. За 1960–1980-е гг. он поднялся в целом по селам региона в 2,5 раза – до 39,3 чел. в 1990 г. Заметный прирост дали 1988–1990 гг., когда вместе с обострением кризиса в обществе уровень самоубийств вырос на 10,1 %, в том числе на 26,0 % в читинской деревне и на 29,0 % в селах Тувы²⁷.

На рубеже 1980–1990-х гг. в деревнях Восточной Сибири самоубийцы составляли пятую часть всех по-

¹² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 27. Д. 834. Л. 81, 145.

¹³ Подсчитано по тем же данным.

¹⁴ ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 31. Д. 765. Л. 1 об., 13 об., 25 об, 49 об., 97 об.

¹⁵ Показатели социального развития... С. 609–616.

¹⁶ Подсчитано по данным ТА Госкомстата РФ.

¹⁷ Численность, состав и движение населения... С. 257–260.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 257–260.

²⁰ Подсчитано по: Демографический ежегодник Красноярского края. 1997. Красноярск, 1998. С. 102–104, 111–113.

²¹ Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1646, 1649, 1656–1658; ГА РФ. Ф. А-364. Оп. 31. Д. 785. Л. 1 об.; Численность, состав и движение населения... С. 260.

²² Данные ТА Красноярскстата.

²³ Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1646, 1649, 1656–1658.

²⁴ ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 31. Д. 765. Л. 1 об., 13 об., 25 об., 49 об., 97 об.

²⁵ Подсчитано по данным ТА Красноярскстата.

²⁶ Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1646, 1649, 1656–1658; ГА РФ. Ф. А-364. Оп. 31. Д. 785. Л. 1 об.

²⁷ Подсчитано по данным ТА Госкомстата РФ.

гибших от внешних причин. Уровень суицидов там был на четверть выше, чем в городах региона (31,4 чел. в 1990 г.), и в селах республики (32,8 чел.)²⁸. Наибольший уровень самоубийств в течение всего срока отмечен у иркутян, наименьший – у сельских жителей Тувы (соответственно по 45,2 и 30,7 чел. в 1990 г.)²⁹. Эти показатели значительно превышали среднероссийские, а Россия уже с 1970-х гг. занимала первые места по этому показателю среди стран мира. К 1995 г. число самоубийств в ней выросло до 41 случая на 100 тыс. жителей, и ВОЗ признала ее страной, находящейся в «вылотекущей чрезвычайной ситуации». А села Восточной Сибири такого «состояния» достигли еще в конце советского периода.

«Упрямый» рост смертности от внешних воздействий был одним из главных «виновников» низкой продолжительности жизни в восточносибирской деревне. За три десятилетия она мало выросла у женской части населения, а у мужской даже сократилась. В 1958–1959 гг. мужчинам предстояло прожить 62,4 года, женщинам – 70,0 лет, в 1990–1991 гг. – соответственно 60,4 и 71,6 года. Славившимся «легендарным» здоровьем сибирякам так и не удалось достичь среднего по российским деревням показателя. Более того, в конце 1950-х гг. у мужчин жизнь была короче на 0,5, а через 30 лет – на 1,3 года, у сибирячек – соответственно на 1,3 и 2,3 года³⁰.

В постсоветский период сельские жители региона вступили с тяжелым социодемографическим наследием – самой высокой в России смертностью от повреждений. По мнению демографов, «место России на мировой шкале травматической смертности – из ряда вон выходящее. Как правило, такая смертность... в странах с низким уровнем развития или там, где часты войны и гражданское насилие» [2, с. 339].

В селах Восточной Сибири был выше, чем в селах других российских регионов, уровень большинства видов травматической смертности – суицидов, убийств, случаев употребления алкоголя и т.д. Главной составляющей в ее структуре в течение тридцатилетия была неумышленная смертность, но резко увеличилась доля умышленной – убийств и самоубийств.

Огромный разброс показателей смертности от одинаковых причин по территории Восточной Сибири свидетельствует, что она являлась слабоуправляемым процессом. Например, в 1991 г. от внешних воздействий погибли от 397,2 чел. из 100 тыс. мужчин рабочего возраста в красноярских деревнях до 753,0 чел. в Туве³¹.

Приведенные выше цифры красноречивы и не требуют комментариев. За ними не просматривается бурный рост благосостояния сельчан. Напротив, цифры

свидетельствуют о глубоком кризисе, который переживало сельское общество в последние десятилетия советской эпохи. Этот вид смертности, будучи продуктом действия сложного комплекса факторов, очень зависел от витального поведения людей. Оно же у сельчан-сибиряков не заслуживало высокой оценки, а, напротив, их социальное здоровье в изучаемый период достигло критической отметки.

Качество жизнесохранительного поведения сибиряков определялось общими и специфическими причинами. Прежде всего, низким уровнем жизни, который не удовлетворял их базовых потребностей. Известно, что в плохих жизненных условиях здоровье не воспринимается как высшая цель, а используется для достижения насущных целей (заработков и т.п.). Свою лепту в формирование витального поведения людей вносили советские общественные ценности, в системе которых здоровье и жизнь индивидов часто приносились в жертву общественным ценностям. Кроме того, сибиряки имели особый менталитет. В регионе – традиционном месте отбывания наказаний – цена жизни не была высокой. Негативную роль играл и очень высокий удельный вес в деревне «неместных уроженцев», вызвавший маргинализацию сельского общества, постоянное присутствие в нем разного рода «покорителей Сибири», шабашников и т. д.

Пренебрежение жизнью – своей и чужой – стало у сибиряков обыденной повседневной практикой, настолько прочно вошло в их поведенческие стереотипы, что они продолжали воспроизводить саморазрушительное поведение с нарастающей быстротой и в постсоветское время. Так, к 2005 г. уровень смертности от повреждений достиг в иркутских деревнях 346,2 чел. на 100 тыс. жителей, в красноярских – 363,4 чел., в читинских – 401,9, в сельской местности Бурятии – 416,6, Хакасии – 472,2, Тувы – 486,0, Эвенкии – 507,9 чел. против 256,1 чел. по селам РФ³². Структура причин этой смертности почти не изменилась. Только число смертей выросло – практически от каждой из причин. Например, в красноярских деревнях в 2000 г. умерли от повреждений 310,6 чел. из 100 тыс. жителей, в том числе от самоубийств – 61,5 чел., от убийств – 46,8, отравлений алкоголем – 44,1, от всех транспортных травм – 30,8 чел.³³.

Приведенные в работе цифры отражают, на первый взгляд, давно пройденный этап жизни в советской деревне. Но они приобретают новый смысл при сравнении со статистикой 2000-х гг., которая показывает, что проблема борьбы со смертностью от внешних причин стала еще актуальнее в сибирском регионе. Все ее характеристики свидетельствуют об остроте ситуации и о важности изучения ее, в том числе в советском прошлом. А цифры конкретизируют масштаб унаследованных проблем, требующих решения.

²⁸ Подсчитано по: Численность, состав и движение населения... С. 257–260.

²⁹ Там же. С. 260.

³⁰ Подсчитано по: ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 32а. Т. 2. Д. 4926. Л. 232; Численность, состав и движение населения... С. 393, 398.

³¹ Численность, состав и движение населения... С. 343.

³² Демографический ежегодник России – 2006. URL: http://www.buch.ru/buch/demograficheskij_ezhegodnik_rossii_2006.php (дата обращения: 23.03.2018)

³³ Подсчитано по тем же данным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Славина Л.Н. Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). Красноярск, 2007. 471 с.
2. Демографическая модернизация России. 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневого. М., 2006. 608 с.
3. Население России в XX веке: Исторические очерки: в 3 т. М., 2005. Т. 3, кн. 1: 1960–1979. 304 с.
4. Население России в XX веке: Исторические очерки: в 3 т. М., 2011. Т. 3, кн. 2: 1980–1990. 295 с.
5. Смертность от внешних причин в России с середины XX века / науч. ред. А.Г. Вишне夫斯基. М., 2017. 448 с.

REFERENCES

1. Slavina L. N. The rural population of East Siberia (1960s–1980s). Krasnoyarsk, 2007, 472 p. (In Russ.)
2. Vishnevskii A. G. (ed.) Demographic modernization of Russia. 1900–2000. Moscow, 2006, 608 p. (In Russ.)
3. The population of Russia in the XX century: historical essays. Moscow, 2005, vol. 3, bk. 1: 1960–1979, 304 p. (In Russ.)
4. The population of Russia in the XX century: historical essays. Moscow, 2011, vol. 3, bk. 2: 1980–1990, 295 p. (In Russ.)
5. Vishnevskii A. G. (ed.) Mortality due external causes in Russia since the mid-XX century. Moscow, 2017, 448 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 14.01.2019